

Михаил Минаков

Новороссийский миф и транснациональность непризнанных постсоветских государств: амбивалентность промосковского сепаратизма*

За последние два года в Восточной Европе значительно усилились сепаратистские движения. Среди факторов этого усиления были и рост бедности в этом регионе, и Донбасская война (2014 – по сей день), и политический кризис в Украине (2013-14 гг.), и падение «Будапештской» системы постсоветских границ. Все эти процессы сопровождались взрывом идеологических инноваций во всех странах региона. И развитие политического мифа Новороссии является одним из наиболее показательных для политико-идеологических процессов в Восточной Европе.

20 сентября 2015 года в Москве прошла конференция под названием «Диалог наций: право народов на самоопределение и построение многополярного мира»¹. В конференции принимали участие известные сепаратисты со всего мира. Репортажи об этой конференции свидетельствуют, что одним из ключевых вопросов, обсуждаемых на ней, была «Новороссия» – название, которым с 2014 года обозначают гипотетическое объединение нескольких областей на юго-востоке Украины и одного региона Молдовы, и которое могло бы существовать либо в качестве независимого государства, либо как часть Российской Федерации. Особо активно «новороссийскую тему» обсуждали участники конференции из числа просепаратистски настроенных интеллектуалов из России, «ДНР» (Донецкой народной республики), юго-востока Украины, Приднестровья и Абхазии. Дискуссии о Новороссии на этой конференции показывают, что данный «проект» оказался в одном ряду с сепаратистскими проектами не только постсоветских стран, но и Пуэрто-Рико, Каталонии и Страны Басков.

Как Новороссия – российский имперский проект, восходящий к эпохе Екатерины II и Николая I – приобрел такое влияние в современной Украине, России, Молдове и Грузии? Что побуждает граждан Украины и других стран поддерживать «проект "Новороссия"» в его издании 2014 года? Действительно ли именно «кремлевская» пропаганда и ожидание финансовых выгод от присоединения к

* Англоязычная версия этой статьи вышла в сборнике *Transnational Ukraine? Networks and Ties that Influence(d) Contemporary Ukraine* (Ed. T. Beichelt, S. Worschech. Stuttgart, 2017).

¹ К примеру, информацию о конференции можно найти по ссылке <https://meduza.io/feature/2015/09/21/parad-suverenitetov>.

России привели жителей Донбасса на референдум, чтобы поддержать создание «ДНР» и «ЛНР» (Луганская народная республика)? Почему российский имперский опыт сыграл такую важную роль для символизма антиукраинских восстаний?

Политики, эксперты и активисты, которые разделяют российскую национальную точку зрения, предлагают два объяснения. В современной российской пропаганде и в политическом воображении некоторых групп населения в Северном Причерноморье (где сильны элементы консервативного, империалистического и постколониального мышления) «проект "Новороссия"» – естественная реакция на процесс национального строительства в Украине, Молдове и Грузии, который создает у местного населения стойкое ощущение ущемления в своих культурных, социальных и политических правах². С их точки зрения, модели построения национальных государств в Украине, Молдове и Грузии обеспечивают превосходство «титულным нациям» в ущерб интересам национальных меньшинств и некоего агломерата под названием «русскоязычное население»³. Противоположную перспективу разделяют сторонники постсоветских национальных государств. Для них новороссийский сепаратизм считается либо результатом российской националистической и/или империалистической пропаганды (которая заставляет граждан Украины, Молдовы и Грузии сомневаться в своей лояльности соответствующим государствам), либо следствием получения «финансового поощрения» от России за восстания против существующих национальных правительств⁴.

Оба эти типа объяснения событий пренебрегают мотивациями тех частей местного населения, которые поддерживали или до сих пор поддерживают сепаратистские движения в Северном Причерноморье, но не активны в своей поддержке. Важно помнить, что в большинстве своем сторонники «Новороссии» не были активными участниками сепаратистских военных действий. Но они обеспечивали сепаратистских лидеров и бойцов деньгами и другими ресурсами, а также некоторой повстанческой легитимностью. Эти группы населения принимали участие в «референдумах» о создании местных народных республик в нескольких областях восточной Украины в 2014 году. Они также приходили на мас-

² Яркие примеры такого типа мышления можно найти в блоге Захара Прилепина (<http://novorossia.su/>) за 2014-15 годы.

³ Например, вот как Г. Касьянов анализирует украинскую национальную модель: «Национализируемая история начала выполнять важные инструментальные функции: легитимировать новосозданное государство и обслуживающие его элиты; закладывать основы территориальных и хронологических представлений об украинской нации; и подтверждать уместность существования этой нации как законной преемницы в сознании как ее граждан, так и ее соседей» (Kasianov G. «Nationalized» History: Past Continuous, Present Perfect, Future... // *A Laboratory of Transnational History: Ukraine and Recent Ukrainian Historiography* / Ed. G. Kasianov, P. Ther. Budapest, 2009. P. 11).

⁴ Например, официальные украинские СМИ называют сторонников сепаратистских проектов «наемниками» и настаивают на том, что у них «промыты мозги».

совые митинги в поддержку так называемых «народных республик», которые проходили в городах юго-востока Украины с марта по май 2014 года.

В этой статье я проанализирую особенности политического воображения, которые привели к формированию транснациональной утопической альтернативы существующему порядку в Восточной Европе. Я считаю, что миф Новороссии во многом базируется на ресентименте либо групп населения, которые чувствуют себя исключенными из постсоветских восточноевропейских наций, либо населения непризнанных государств – «невидимых наций» Приднестровья, Абхазии, Южной Осетии, мечтающих о новом «международном порядке», который предоставит им возможность для собственного признания и развития.

Новороссия с точки зрения транснационального подхода

Транснациональная перспектива необходима для понимания интересов, мотиваций и практик людей, причастных к новороссийскому сепаратизму. Я использую термин «транснациональный» для обозначения процессов, которые «происходят на периодической основе, безотносительно государственных границ, и требуют постоянных и значительных затрат времени со стороны участников»⁵. Кроме того, я следую методологии, предложенной Тиммом Байхельтом и Сюзанн Воршех, согласно которой транснациональное сообщество – это группа людей, участвующая в деятельности и/или в социальных сетях (с общими целями, практиками и символами), не ограниченных границами национальных государств, или даже вопреки им⁶. Таким образом, в моей статье речь идет о транснациональном сообществе, разделяющем утопическую идеологию, связанную с политическим мифом о Новороссии.

Для моего исследования важно различие между политическим и идеологическим мышлением. Майкл Фриден предложил различать их следующим образом: политическое мышление нацелено на выполнение определенных задач для или после получения власти, тогда как идеологическое мышление – это мышление о «политике», «центральных вопросах и проблемах... и [о] значении слов», которыми эти проблемы артикулируются⁷. Политические лидеры сепаратистских движений и их иностранные и местные союзники и противники действительно мыслят и действуют политически. В то же время пассивные сторонники этих движений, напротив, создали идеологический субстрат, который помогает леги-

⁵ Portes A. Towards a New World: The Origins and Effects of Transnational Activities // *Ethnic and Racial Studies*. 1999. Vol. 22. № 2. P. 464.

⁶ *Transnational Ukraine? Networks and Ties that Influence(d) Contemporary Ukraine* / Ed. T. Beichelt, S. Worschech. Stuttgart, 2017. P. 2.

⁷ Freedman M. Editorial: Thinking Politically and Thinking Ideologically // *Journal of Political Ideologies*. 2008. Vol. 13. № 1. P. 1.

тимировать политические действия лидеров; именно они, эти сторонники, мыслят идеологически, отстраняя себя от собственно политических действий.

Идеологическое мышление, о котором идет речь, принадлежит к утопической разновидности. Поддержка «проекта "Новороссия"» не подразумевает ни активное участие в политическом строительстве «ДНР»/«ЛНР», ни службу в сепаратистских «войсках» или политических институтах. Утопичность здесь связана со специфической особенностью мифа о Новороссии: этот миф требует политических и социальных изменений здесь и сейчас, в то же время отрицая и/или игнорируя политические и социально-экономические реалии в Украине, России и сепаратистских «республиках», а также международное право⁸.

Утопическое пренебрежение политической реальностью связано с феноменом политического воображения. Как отмечает Кьяра Боттичи, политическое воображение – это термин, обозначающий коллективное иррациональное мышление (смесь сознательных и бессознательных процессов)⁹. Политическое воображение отрицает прошлый опыт, основывается на ресентименте и визуализации сложных идеологических проблем (чтобы избежать дискурсивного мышления). И – что, вероятно, важнее всего – оно создает возможность коллективного проекта в будущем, создает предпосылки для новых политических проектов и новой политической солидарности.

В 2014-16 годах Донбасс был не просто охваченным войной регионом, но еще и постсоветской лабораторией политических идеологий. Одним из наиболее заметных результатов сепаратистского политического воображения был миф о Новороссии. Связанные с ним утопические идеи создали социально-культурную среду, которая способствовала политическим и военным действиям сепаратистов. Как будет продемонстрировано ниже, анализ транснациональных аспектов этого идеологического конструкта проливает свет на некоторые постсоветские политические явления, которые с легкостью ускользают от нашего внимания, если мы придерживаемся национальных точек зрения. В то же время транснациональный анализ может дать нам представление об идеях, видении и надеждах, распространенных среди населения сепаратистских республик и непризнанных государств на постсоветском пространстве (Приднестровья и Абхазии).

Чтобы понять, как функционирует миф о Новороссии во время войны на Донбассе, я изучал в соцсетях выражения политических и идеологических верований тех, кто поддерживает «проект "Новороссия"», не являясь служащими официальных или военных структур «ДНР/ЛНР», российской армии или представителем других иностранных структур, помогающих сепаратистам. Я изучал онлайн-сообщества, среди членов которых не было людей, которые открыто признавали бы себя наемниками, офицерами Вооруженных сил РФ или любой другой офи-

⁸ Понятие утопического идеологического мышления предложили К. Маннгейм и М. Бубер (Mannheim K. *Ideology and Utopia: An Introduction to the Sociology of Knowledge*. L., 1960. P. 175-6; Buber M. *Paths in Utopia*. Boston, 1958. P. 16-18).

⁹ Bottici C. *Imaginal Politics: Images Beyond Imagination and the Imaginary*. N.Y., 2014. P. 60.

циальной структуры в сфере безопасности. В поисках подходящих источников данных я сосредоточился на мотивациях и убеждениях групп, которые поддерживают Новороссию. В частности, я сфокусировал внимание на использовании истории Новороссии с политическими и/или мобилизационными целями среди просепаратистских активистов, проживающих в Абхазии, Приднестровье, Крыму, Донбассе и других регионах юго-востока Украины.

Поскольку война все еще продолжается, и у меня нет непосредственного доступа к людям из целевой группы, я еще более сузил эту группу, включив в нее только активных пользователей соцсетей (а именно «ВКонтакте» и Facebook), а также блогеров и комментаторов на сайтах, посвященных войне на Донбассе или «проекту "Новороссия"». С помощью такой фильтрации я выделил ряд веб-ресурсов и интернет-сообществ, чьи участники охотно открыто обсуждали свои убеждения, мотивации, опыт и фантазии о Новороссии как политической единице, а также отношение к Украине как государству-сопернику и к России во множестве разных ролей (см. критерии и результаты этой фильтрации в Приложении 1).

Краткая история Новороссии

Новороссия – одно из многих названий территории между Дунаем и Доном с конца XVIII до начала XX века. История региона, известного как Новороссия, была хорошо задокументирована в имперский период развития данного региона: Аполлон Скалковский, Петр Шибальский, Гавриил Розанов, Дмитрий Багалеи и Дмитрий Миллер написали несколько исторических трудов, посвященных изучению колонизации Новороссии¹⁰. Однако ту же территорию также изучали Дмитро Яворницкий, Яков Новицкий и другие историки Украины в рамках нарождающейся национальной историографии¹¹. В некотором смысле историографии имперской поры были достаточно гибкими и разнообразными в понимании этих территорий и их культурно-исторического контекста.

Советская историография, напротив, использовала слово «Новороссия» довольно ограниченно. Именно в советский период этот регион был в основном известен под названием «южная Украина». Впрочем, слово «Новороссия» при-

¹⁰ К самым цитируемым из их книг принадлежат: Скалковский А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. Одесса, 1836; Гавриил (Розанов). Отрывок из повествования о Новороссийском крае. Одесса, 1853. Т. 3; Гавриил (Розанов). Продолжение очерка истории о Новороссийском крае. Период с 1787 по 1837 год. Тверь, 1857; Шибальский П. Потемкин и заселение Новороссийского края. М., 1869. Кн. 1; Багалеи Д. Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры. Киев, 1889; Миллер Д. Заселение Новороссийского края и Потемкин. Харьков, 1901.

¹¹ См.: Яворницкий Д. История запорожских казаков: в 3-х томах. СПб., 1897; Новицкий Я. История города Александровка. Екатеринослав, 1905.

существовало в исторической литературе в качестве редкого синонима, требующего объяснения. Так в названии книги Владимира Кабузана *Заселения Новороссии* автору потребовался подзаголовок, чтобы объяснить, что под «Новороссией» он имел в виду Екатеринославскую и Херсонскую губернии¹².

В современных постсоветских и западных исследованиях имперской России и Украины термин «Новороссия» используется наряду со многими другими терминами, среди которых – «Южная Россия», «Южная Украина», «Северное Причерноморье», «Таврийская степь», а также гипонимы «Екатеринославская губерния», «Херсонская губерния», «Новороссийская губерния» и «Южная Бессарабия» – для описания региона, расположенного к северу от Черного моря в период с конца XVIII до начала XX века¹³.

Вследствие столетий войн и перемирий между Османской и Российской империями люди, жившие между крепостью Чигирин и рынком рабов в Каффе, между пастбищами Буджака и азовскими степями, находились в уникальной ситуации. Много этнополитических и религиозных групп, включая Буджакскую, Очаковскую и Ногайскую орды, были вынуждены бежать с территорий стремительно уменьшающейся Османской Империи. Турецкие и крымскотатарские города и крепости были либо заброшены, либо превращены в поселения с радикально изменившимся населением. Болгары, греки, сербы и другие христианские группы из Османской империи перемещались на север, в новые города Новороссии. Русские, украинцы, евреи, немцы и выходцы из других народов приходили с севера и запада.

Между 1750-ми и 1850-ми годами жизнь в Северном Причерноморье подверглась значительным культурным изменениям: много политических единиц, существовавших с XV по начало XVIII века, были уничтожены, включая «Низ» (или земли под контролем организации запорожских казаков), политические образования черноморских кочевников, Крымское ханство и османские торговые и оборонительные структуры. Традиционный уклад культур Пограничья и Степи погибал, а на его месте возникла современная инфраструктура Российской империи. К середине XIX века люди начали переселяться в новые города и поселки, где сконцентрировалась экономическая и культурная жизнь. Эти города были расположены на таких территориях:

- Новая Сербия и Славяносербия (1750-1760);
- Новороссия (простирающаяся приблизительно между городами Таганрог и Измаил)¹⁴;

¹² Кабузан В. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губернии). М., 1976.

¹³ Там же.

¹⁴ В 1910 году появилось самое большое описание Новороссии – земли, включавшей Бессарабскую, Херсонскую, Таврическую, Екатеринославскую, Ставропольскую губернии и земли Войска Донского (Россия: полное описание нашего отечества. Новороссия и Крым / Ред. В. Семёнов. СПб., 1910. Т. XIV).

- Новороссийская губерния (1764-1775, 1796-1803);
- Новороссийско-Бессарабское генерал-губернаторство (1805-1874); и
- округа города Новороссийск в Восточном Причерноморье;
- Таврия/Таврида (география которой существенно менялась с 1730 по 1920 год);
- Херсонские степи (с 1770 по нынешний день); и
- Юг и/или Юго-Запад – термины из лексикона имперской администрации и Белого движения (1830-1921).

Модерность, современная культура возникла и начала развиваться среди местного населения в XIX веке именно в Одессе, Николаеве, Херсоне, Екатеринославе (Днепропетровске-Днепре), Александровске (Запорожье) и других городах, чье население насчитывало от 75 до 300 тыс. жителей к концу XIX века.

Желание жить и доминировать в Северном Причерноморье и Приазовье основывалось на христианских, греческих и имперских политических и исторических мифах. Согласно христианскому мифу, Новороссия была связана с «истоками» русского христианского мира, поскольку Владимир Великий крестился в Херсонесе. Этот миф также легитимировал «реконкисту» этих земель от мусульман. Согласно греческому мифу, поскольку земли Новороссии когда-то входили в ойкумену Древней Греции и Византийской империи, то «совершенно естественно», что Российская империя, «преемница Византии», будет снова править на этой территории. И, наконец, имперский миф основывался на идее, что формирование Новороссии было необходимым для триумфа цивилизации над варварством, для «прогресса».

Русская литература в XIX-м и начале XX века включила эти земли в российскую культурную географию. Пушкин, Гоголь, Толстой, Чехов, Достоевский и Горький писали рассказы, действие которых происходило в Новороссии, или упоминали это название. Одесса стала одним из главных центров российского культурного производства. Здесь колониальная нормализация происходила наряду с прославлением «местных» героев и *genii loci*, среди которых фельдмаршал Александр Суворов, герои обороны Севастополя во время Крымской войны, адмирал Павел Нахимов, моряки российского Черноморского флота и прочие.

Помимо российской имперской литературы, существует русско- и украиноязычная литература, также описывающая Новороссию в терминах местной истории. К числу таких сочинения я бы отнес, например, *Беглые в Новороссии* (1862), *Беглые воротились* (1863) и *Новые места* (1867) российского писателя Григория Данилевского. Данилевский описывал повседневную жизнь в Новороссии и специфическую роль населения этого региона по отношению к имперскому центру. Также украинский писатель Иван Нечуй-Левицкий в своем романе *Микола Дже-*

ря (1878) включил Новороссию в контекст украинской культуры и описал трансформацию Низа в украинской символической географии.

Для целей этого исследования необходимо сделать лишь краткий обзор главных тем, с которыми ассоциировалась Новороссия в российском культурном контексте XIX века. Во-первых, Новороссия считалась местом новых начинаний. Именно в Новороссии был сосредоточен российский капитализм и процветало предпринимательство XIX-го века. Во-вторых, Новороссию воспринимали как место без ограничений, обещающее широкие возможности дерзающим людям. Так, например, Суворов воспринимается в терминах военного предпринимателя, граф Ришелье (губернатор Новороссии и Бессарабии в 1804-15 годах) – как административный предприниматель, семья Ралли – как экономические предприниматели, а гоголевский Чичиков – как криминальный предприниматель. И наконец, Новороссию ценили как убежище для мигрантов, относительно свободную землю по сравнению с северными регионами, где крепостничество, сословность, клерикализм и монархия создавали слишком много препятствий для современных людей. Тысячи неудачников, сектантов, авантюристов и мятежных крепостных бежали туда, чтобы начать новую жизнь.

Среди городов Северного Причерноморья и Приазовья существовала настоящая конкуренция за административное, экономическое и символическое превосходство. Херсон и Николаев, Одесса и Екатеринослав, Таганрог и Мариуполь соревновались за административное и экономическое господство. К началу XX века Одесса стала лидером по большинству пунктов. В Одессе был расположен Новороссийский университет (основанный в 1863 году) и главный порт региона, и она стала центром науки и искусств. Одесса стала «жемчужиной Новороссийского края».

В советские времена термин «Новороссия» исчез из общественного дискурса. Между 1917 и 1924 годами Северное Причерноморье и Приазовье пережили многочисленные политические проекты, среди которых были и «Юг» (оплот Белой Армии), и анархическая республика Нестора Махно. К концу 1918 года Украинская Народная Республика (УНР) включила этот регион в свои карты, а вооруженные силы УНР контролировали немало городов в этом регионе в 1918-1921 годах. Большевицкие проекты в регионе в конце концов привели к созданию Украинской Советской Социалистической Республики (УССР), в которую входило современное Приднестровье и некоторые части современной Молдовы.

После победы большевиков и создания СССР в 1922 году Северное Причерноморье было поделено между Российской Социалистической Федерацией, Украинской Социалистической Республикой, а позже и Молдавской Социалистической Республикой. Советский проект коренизации в Украине (1923-33) в сочетании с продвижением советской марксистской идеологии превратил Северное Причерноморье в неотъемлемую часть пролетарских России и Украины без заметной собственной идентичности. В те времена термин «Новороссия» прежде

всего бытовал в цитатах из *Развития капитализма в России* Ленина (1899). Фактически, в это время Северное Причерноморье больше не воспринималось как единый край с общим названием и общей идентичностью.

В двадцатых и тридцатых годах XX века Донецк, Запорожье и Одесса приобрели символическое значение в общесоветской и советской украинской культуре. Индустриальные утопии Донбасса и ДнепроГЭС¹⁵ были отделены от их имперского прошлого. Одесские школы в литературе, кино и изобразительном искусстве продвигали советский авангард (который частично ассоциировался с российской культурой, а частично – с украинской), никак не упоминая колонизацию этого региона. С двадцатых по восьмидесятые годы XX века у Северного Причерноморья и Приазовья не было общего названия. Однако много важных для советской идеологии образов и сюжетов было сосредоточено вокруг городских и промышленных центров этого региона. Но это были образы советского политического и культурного сообщества, и они не отражали какой-либо региональной идентичности.

Только во время Перестройки снова появились некоторые упоминания о Новороссии – в основном среди тех, кто интересовался историей имперской России и краеведением. Были переизданы несколько книг, посвященных Новороссии или колониальным войнам на этих землях¹⁶. Однако в то же время переименование этих земель в позднесоветский период было тесно связано с традиционными названиями областей в советской Украине: Одесская область именовалась Одещиной, Херсонская – Херсонщиной и так далее. В местной исторической литературе, изданной в период с 1989 по 1992 год, Северное Причерноморье и Приазовье называли либо «Южной Украиной», либо «Юго-Восточной Украиной».

Опыт Крыма в этот период был уникальным. В конце восьмидесятых годов некоторая часть местного «славянского» населения начала оспаривать репатриацию крымских татар из сталинского изгнания. Новороссийский миф был возрожден в 1989-1991 годах, когда крымские славяне и татары пытались представить самих себя как местное население, при этом остерегаясь «приезжих». Консервативные лидеры славянского населения Крыма взывали к наследию Новороссии – вопреки тому факту, что Крым никогда не принадлежал ни к одной административной единице, связанной с Новороссией. Но этот «исторический» аргумент был одной из идеологических причин, по которым люди поддержали референдум об автономии Крыма, проведенный 20 января 1991 года. В девяностых годах миф о Новороссии сыграл важную роль в сепаратистской идеологии в Крыму.

¹⁵ Просторечное название большой гидроэлектростанции на реке Днепр в Запорожье.

¹⁶ А именно исторические книги XIX века авторства Ф. Брикнера, С. Соловьева, Д. Багалея, Д. Яворницкого и многих других.

Усилия по строительству независимой украинской нации также привели к пересмотру коллективной памяти, создавая и перераспределяя идентичности¹⁷. Локальные исторические нарративы стали невидимыми, когда начали преобладать нарративы об украинской национальной идентичности. Однако на протяжении девяностых годов региональные идентичности были важным фактором локального и национального политического развития. В этот период изменилось распределение симпатий на выборах: тогда как раньше существовал раскол между регионами, которые голосовали преимущественно за коммунистов, и регионами, которые поддерживали националистов, сейчас возник новый электоральный раскол между украиноязычным северо-западом и русскоязычным юго-востоком.

Впрочем, раскол между востоком и западом Украины не ограничивался электоральными предпочтениями. Партия регионов объединила региональные элиты в одну сеть – объединение различных местных политических организаций, образующее мощную сеть местных элит, в основном в юго-восточных областях. Во время первого всплеска сепаратизма на юго-востоке Украины (кульминацией которого стал Северодонецкий съезд в ноябре 2004 года) можно было видеть символику Новороссии, а также другие выражения сепаратизма, несущие идеологическую нагрузку (например, упоминания «Екатерины Великой», Суворова и Андреевского флага Черноморского флота и т.д.). Однако правительство подавило это движение после Оранжевой революции 2004-2005 годов.

Лозунги Северодонецкого съезда были развиты в движениях Антимайдана на юго-востоке Украины во время Евромайдана: новые лозунги были менее связаны с местными элитами, но зато их более разделяли активисты Антимайдана. Когда протесты Антимайдана привели к насилию в январе 2014 года, группы антимайдановцев в соцсетях, к примеру, изобиловали заявлениями об «американском вмешательстве» в дела Украины. Как писал один из активистов 1 февраля 2014 года в своем посте на Facebook-группе «Новороссия», у которой на тот момент было больше 5 тыс. «лайков», настало время «попросить у России защиты».

С конца февраля по середину апреля 2014 года миф Новороссии стал одной из нескольких идей, легших в основу сепаратистского движения на юго-востоке Украины. Среди этих идей также присутствовали миф о «русской весне» и проекты местных «народных республик» (в Харькове, Луганске, Донецке, Запорожье, Днепропетровске, Херсоне, Николаеве и Одессе). В отличие от «русской весны», связанной со смесью этнического понимания русской культуры и экстерриториальности неоимпериализма, взывавшего к наднациональной солидарности, миф Новороссии поддерживали различные местные группы, а именно просепаратистски настроенные жители юго-востока Украины, Приднестровья и Абхазии¹⁸.

¹⁷ Анализ этих процессов можно найти в: A Laboratory of Transnational History.

¹⁸ Случай Абхазии особенно интересен тем, что Абхазия не является ни «славянской», ни исторически «новороссийской» территорией. Однако участие в войне на Донбассе поддерживали те

Анализ данных мифа о Новороссии и их интерпретация: между «социальной реальностью» и «исторической справедливостью»

Для изучения функционирования мифа о Новороссии во время войны на Донбассе (начиная с апреля 2014 года) я сфокусировался на случаях использования комплекса убеждений, связанных с мифом о Новороссии и изложенных в Разделе II. Этот миф был использован с целью мобилизации со стороны просепаратистски настроенных активистов в Крыму, на Донбассе и в других регионах юго-востока Украины, а также в Абхазии и Приднестровье. Чтобы понять идеологические мотивы людей, которые поддержали восстание и войну против Украины, я искал источники в просепаратистских онлайн-сообществах. Список соответствующих онлайн-ресурсов и групп в соцсетях приведен в Приложении I (таблицы 1-3).

Все материалы, которые я использовал, находятся в свободном доступе. В рамках исследования я собрал более 1500 текстов и дискуссий о вопросах, связанных с мифом о Новороссии. Соавторами и участниками этих текстов являются приблизительно 25 тыс. человек.

Используя методику контент-анализа и интент-анализа, я смог определить ключевые идеи, а также конкретные термины, метафоры и ценностные суждения, которые используют просепаратистские активисты, поддерживающие основные идеи мифа о Новороссии. Проанализировав большое количество текстов (слов, предложений и других вербальных выражений, из которых состоят дискуссии в группах в соцсетях), мне удалось идентифицировать:

- ключевые слова дискуссии;
- значение часто используемых терминов, их интенции и ценности, которые с ними ассоциируются;
- основные тенденции в использовании ключевых терминов, приведших к переопределению значений и ценностей; а также
- главные темы и целевые аудитории, связанные с доминирующими тенденциями.

Среди ключевых слов, которые участники использовали с целью начать и поддерживать длительные и популярные дискуссии, были: «Новороссия/новороссийский», «Украина/украинский», «Россия/Русь/русский», «война», «справедливость», «враг» «славяне/славянский» и «Запад/Европа/США» (см. Приложение II, таблица 4). В таблице 4 я привожу самые распространенные слова и выражения и описываю их значения. Например, слово «Новороссия/новороссийский» использовалось в группах из списка не менее 1120 раз за

группы абхазского населения, которые считали, что проект Новороссии может изменить к лучшему их собственную ситуацию.

месяц. Этому слову приписывались как минимум три значения. Прежде всего оно служило общим названием для края в составе с Харьковской, Луганской, Донецкой, Запорожской, Днепропетровской, Херсонской, Николаевской и Одесской областями Украины. Несколько реже это название использовалось для обозначения всех перечисленных территорий и Крыма и Приднестровья. И наконец, в нескольких случаях это название употреблялось для обозначения еще более обширного региона, включающего Абхазию и часть южной России. В этой таблице я также привожу некоторые другие характеристики использования терминов. Например, слово «Новороссия» использовалось скорее в отношении территорий, а не народов, и имело откровенно позитивное значение в первой половине 2014 года, хотя с сентября 2014 уже сопровождалось преимущественно нейтральными (привычными и нормированными) коннотациями. Таким образом, таблица описывает содержание ключевых слов и интенции при их использовании среди адептов мифа о Новороссии.

Благодаря анализу этих данных появилась возможность установить, какие группы принимают участие в этих дискуссиях. Хотя просепаратистски настроенные группы населения и кажутся гомогенными, онлайн-дискуссии на ключевые темы демонстрируют отличия между представлениями разных групп о будущем статусе Новороссии и ее отношениях с Россией. Можно выделить две отчетливые группы: (1) группа с «империалистическими» взглядами (приблизительно 60% участников) и (2) группа с «транснациональной» повесткой (приблизительно 40% участников).

Среди членов империалистической группы наиболее влиятельными были приверженцы объединения России и Новороссии. Основанием для такого объединения обычно называли общее имперское прошлое населения России и южных областей Украины. Эту повестку активно продвигает ядро активистов и интеллектуалов, сформировавшееся вокруг Константина Малофеева. Двумя основными фигурами в этой группе являются Игорь Гиркин («Стрелков») и Александр Бородай. Их Новороссия основана на образах прошлого – в основном советского и имперского. Для них главный контекст Новороссии – это «Русская весна». Символическая география этой группы ставит Россию и Москву в центр проекта, а южные области Украины в этой картине становятся частью Российской Федерации.

Хотя эта группа больше всех привлекает внимание СМИ и политических элит, такая повестка наталкивается на сопротивление в тех сообществах, к которым она обращена в первую очередь. В некоторых ситуациях жители сепаратистских республик, а также других областей юго-востока Украины, Приднестровья и Абхазии выражают мнения, отличные от тех, которые продвигают Стрелков, Бородай и другие «малофеевцы». Значительное количество людей считают проект Новороссии собственным делом местного населения. И «местность», которую они имеют ввиду, не ограничена существующими государственными границами.

Вместо этого они говорят о солидарности, которую нельзя описать ни как имперскую/колониальную, ни как этническую.

Этой транснациональной группе присущи определенные характеристики. Прежде всего, ее члены рассматривают Новороссию как отдельную «страну» с очень приблизительно определенными границами. В большинстве дискуссий эта воображаемая страна включает в себя области южной Украины, Крым и Приднестровье. Однако, как я указываю в таблице 4, участники нескольких дискуссий приходили к выводу, что области юга России, Абхазия и даже Южная Осетия должны быть включены в Новороссию. Члены этой группы больше ссылались на общее советское наследие (23 разные дискуссии), чем на имперское прошлое (11 дискуссий) в своей аргументации в пользу легитимности такого объединения земель. Важно отметить, что «советские» аргументы были менее «историческими» или «темпоральными» (связанными с прошлым): для членов этого сепаратистского онлайн-сообщества «советское» означает коммунистическую социальную защищенность, высокий уровень жизни и чувство принадлежности к вне-или надэтнонациональному обществу.

Структура власти в этой транснациональной группе существенно более горизонтальная и децентрализованная, чем в империалистической. У нее нет ядра личностей-лидеров. Вместо этого транснациональный взгляд на Новороссию разделяют те участники, которые считают себя «простыми людьми», «низовыми активистами» и «сторонниками», а не лидерами или интеллектуалами. Они называют себя «живущими» на юге Украины, в Приднестровье и Абхазии или «населением» этих территорий.

Транснациональная группа становилась более заметной в периоды снижения интенсивности войны и связанной с ней мобилизации. В таких ситуациях «империалистическая» группа провозглашала, что «Москва предала Новороссию», и оплакивала «закрытие проекта». Но транснациональная группа считала Новороссию своим собственным проектом, чье будущее не зависит от Москвы. Я насчитал как минимум девять важных дискуссий, которые привели к консенсусу о том, что опыт Приднестровья и Абхазии как непризнанных государств является образцом для сепаратистских республик «ДНР/ЛНР» и/или будущего Новороссии.

Более того, транснациональные группы менее склонны использовать милитаристскую символику. Их эстетика скорее умеренная: для них Андреевский флаг и георгиевская ленточка – главные символы Новороссии. «Империалистические» группы, в свою очередь, пользуются более богатым разнообразием символов, которые часто включают государственную и военную символику России вперемешку с символикой Российской империи, символикой ДНР и ЛНР, а также стилизованным оружием.

Этот обзор дебатов между сторонниками «проекта "Новороссии"» продемонстрировал, что «новороссийская идентичность» используется не только для про-

тивостояния украинскому, молдовскому и грузинскому национальному подходу, но и, хоть и в меньшей степени, умеренными участниками для противостояния «империалистической» группе.

Рассматриваемая идентичность «умеренных» определенно имеет транснациональный характер. Прежде всего, она связывает маргинализированные и/или изолированные группы в Грузии, Молдове и юго-восточной Украине в одну международную сеть людей, которые разделяют определенное отношение к национальным большинствам, национальным правительствам и международному правовому порядку. Во-вторых, она обеспечивает этим активистам идеологическое обоснование для их сепаратистских проектов и создает своеобразную историческую, региональную и идеологическую солидарность. Кроме того, эта идентичность устанавливает общее основание для солидарности в Восточной Европе, преодолевающей национальные границы. И наконец, эта идентичность связана с неоимпериалистическими и этнонационалистическими мировоззрениями в регионе – но также и противостоит этим мировоззрениям.

Изучая вышеупомянутые дебаты, я обнаружил, что слово «Новороссия» ассоциируется с идеологическими смыслами, которые легитимировали политический сепаратизм в регионе, а также с военной мобилизацией и солидарностью между населением непризнанных политических образований. Сторонники сепаратистских идей, упоминавшие «Новороссию», часто придерживались нативистских, антизападных и антиглобалистских взглядов, а также говорили о необходимости «восстановить историческую справедливость».

Если говорить о *нативизме*, то пользователи интернета подчеркивали, что у них есть своя собственная «местная», «родная» и «народная» история, которая отличается от национализированных историй Украины, Молдовы и Грузии. В нативистских метафорах часто присутствовали аргументы в духе «крови и почвы», которые контрастировали с «чужими» историями украинской, молдовской и грузинской наций. В то время как для сепаратистов Приднестровья и южных областей Украины нативизм основывался на их славянском происхождении, комментаторы с Абхазии и Южной Осетии ссылались на «интернационализм советской эпохи», который побудил их противостоять Грузии. По словам некоторых пользователей форумов, новороссийская идентичность абхазцев возникла из-за угрозы населению Абхазии – страны, которая «процветала в советские времена» – со стороны прозападной Грузии.

Антизападные мотивы сильны и постоянны как среди империалистов, так и среди сторонников транснациональной перспективы. Запад, Европа и США воспринимаются как внешняя угроза коллективным идентичностям, ценностям и памяти населения Новороссии. Однако иногда слово «Европа» употребляется в позитивном ключе, особенно в контексте «европейского благополучия» и «европейских союзников» среди членов ультраправых группировок и политических партий во Франции, Италии, Австрии и Венгрии.

Вопрос «исторической справедливости» для всех непризнанных народов – в частности, для русскоговорящего населения Украины – принадлежит к самым популярным темам. Население Донбасса, Приднестровья и Крыма рассматривается как некое сообщество, чья государственность исторически обоснована: «у нас своя политическая культура», основанная на «неэтнической государственности», которая объединяет «представителей всех этносов», говорят они. Русскоговорящие в Украине и Молдове, по их словам, «исключены из процессов государственного строительства», и к ним относятся как к «второсортным гражданам». Этот аргумент преимущественно использовался в дискуссиях по поводу права Украины, Грузии и Молдовы на государственность. Имперская и советская история дает непризнанным нациям и просепаратистским активистам «исторический фундамент» для новых политических образований в регионе. Этот исторический аргумент применяют для обоснования отказа от принадлежности к народам Украины, Грузии и/или Молдовы.

Миф о Новороссии подает прошлое как серию событий, которая предоставляет «империалистам» и «транснационалам» основания для соответствующих представлений. Неудивительно, что «золотой век» имперской России одинаково важен для обеих групп. Однако существуют отличия между взглядами представителей этих двух групп. «Империалисты» склонны фокусироваться на военной истории, в то время как «транснационалы» больше обращают внимание на экономический и культурный расцвет в XIX веке, а также на мирное сосуществование различных этнических и религиозных групп внутри Российской империи и в рамках православной церкви. Также последние чаще обращаются к опыту Донецко-Криворожской республики, подчеркивая, что социальная справедливость тоже для них важна, в то время как «империалисты» больше говорят о Гражданской войне 1917-1924 годов.

«Потерянный рай» Советского Союза также одинаково важен для дискуссий в обеих группах. Однако комментаторы-«транснационалы» больше акцентируют внимание на социальной защите и культурных правах русскоязычного населения в советский период. Славная «Победа в Великой Отечественной войне» тоже важна для обеих групп. Однако «империалисты» используют эту тему в контексте военного противостояния с Западом, в то время как «транснационалы» больше акцентируют на истории «городов-героев» – Одессы, Севастополя, Керчи. Кроме того, количество высказываний против Украины среди жителей Одессы, Николаева, Херсона, Запорожья и Днепропетровска удвоилось после принятия в Украине «декоммунизационных» законов в апреле 2015 года. Таким образом, хотя исторические аргументы и важны для всех сторонников Новороссии, сторонники транснациональных и империалистических воззрений применяют их по-разному. «Империалисты» обычно акцентируют внимание на единстве с Россией, а «транснационалы» – на праве местного населения на самоопределение,

подчеркивая отличия их сепаратистских «наций» от грузинов, молдаван и украинцев.

И наконец, несколько общих замечаний о взглядах членов транснациональной группы: в отличие от «империалистов», многие «транснационалы» имеют опыт жизни в непризнанных государствах и часто критически к ним относятся. Это значит, что они имеют другие исторические ориентиры, когда пишут о Новороссии. Сторонники Новороссии из Украины зачастую сравнивают себя с Галицией («Галичиной») – западноукраинским регионом, у которого своя история национальных движений в Польше и Габсбургской монархии. В то же время осетины и абхазы часто сравнивают проект Новороссии с проектом «Кавказской конфедерации».

В своих дискуссиях жители Приднестровья и Абхазии часто жалуются на то, что живут в непризнанных государствах. Их антизападные настроения менее утопичны и более сосредоточены на ограничениях, наложенных на них национальными государствами и международными организациями. Часто они критикуют собственное руководство и политические режимы за несправедливость и коррупцию. Жители ДНР и ЛНР тоже критикуют своих лидеров за то, что те пренебрегают интересами и правами граждан. Но все же свои государства они критикуют по-другому, чем политические порядки в Грузии, Молдове и Украине. Местные «плохие порядки» воспринимаются как «доморощенные», и комментаторы часто шутят, что «это бандиты, но они наши бандиты». Коррупцированные же элиты в Грузии, Молдове и Украине они сравнивают с «иностранными эксплуататорами». Хотя нынешнюю ситуацию преимущественно описывают в негативном ключе, появление позитивных ориентиров вполне вероятно. Среди «транснационалов» советское прошлое рассматривается в качестве единственного справедливого уклада, при котором когда-либо жило это население. Их надежды на улучшение ситуации связаны с воображаемым политическим образованием Новороссии, которое сильно напоминает идеализированное советское прошлое.

Среди украинцев, которые поддерживают проект Новороссии, довольно распространены сравнения с Галицией – о ней упоминают как минимум в 15 развернутых дискуссиях. Интересно, что к концу 2014 и на протяжении 2015 года было много случаев сравнения Новороссии с Галицией, а сегодняшних бойцов-сепаратистов – с «повстанцами» УПА. Сравнение с Галицией основывается на: (1) языковых, культурных и исторических отличиях от остальной части страны; (2) способности принести цивилизацию в остальную часть страны (федерализм воспринимается как признак «более высокой политической городской культуры», чем «украинская аграрная олигархия»); а также (3) специфической региональной идентичности, основанной на колониальном и имперском прошлом.

Среди сторонников Новороссии, живущих в Южной Осетии и Абхазии, обращения к истории также уникальны и специфичны для этой местности. Они часто

сравнивают проект Новороссии с идеей «Кавказской конфедерации», которую во время Чеченских войн в 1990-х считали возможным способом организации населения Дагестана, Чечни, Ингушетии, Абхазии, Черкессии и других территорий на Северном Кавказе. Кавказская конфедерация воображалась как транснациональная политическая единица, объединяющая народы, живущие в кавказских регионах России, Грузии и даже Азербайджана.

Во всех трех случаях транснациональная группа сравнивает свой прошлый и нынешний опыт с воображаемым новороссийским будущим. В таких сравнениях редко участвуют «империалисты», поскольку политическое воображение и видение будущего в «транснациональной» группе основывается на утопических идеях политически и социально справедливого порядка вне существующих национальных государств Восточной Европы.

Заключение

Современный миф о Новороссии – сложный идеологический конструкт, общий для двух разных групп, которые можно идентифицировать по различиям в их отношении к Западу, а также имперскому и советскому прошлому России. Одну из этих групп можно назвать «империалистической», а вторую – «транснациональной». Вышеизложенный анализ показывает, что миф о Новороссии обращается к некоторым группам населения, живущим на отдельных территориях Украины, Молдовы и Грузии. Сторонники мифа о Новороссии обычно чувствуют себя представителями социально-культурных групп, исключенных из политической, социальной и культурной жизни своих стран.

В отношении обеих групп к мифу о Новороссии присутствуют элементы консерватизма, империализма и реваншистского неосоветизма. Новороссийский консерватизм обращается к «исторической справедливости» и «былому величию» как к источникам легитимности создания отдельного государственного образования в северном Причерноморье. Во многих смыслах такой консерватизм совпадает с путинизмом, стремящимся создать «традиционалистскую альтернативу» политике, основанной на правах человека, верховенстве права и международном правовом порядке. Сторонники «проекта "Новороссия"» отвергают присоединение земель между Измаилом и Луганском к Украине, Приднестровья к Молдове, а также Абхазии и Северной Осетии к Грузии. По их мнению, историческая справедливость может восторжествовать, только если местному населению будет дана возможность создать свое легитимное государство (или свои государства).

Внеэтническая имперская и надэтническая советская идентичности создают основу для коллективной солидарности, которую поддерживают адепты идеи Новороссии. Эта идентичность отсылает к опыту и памяти этих групп населения

во времена Российской империи и Советского Союза. Хотя существует четкое социальное сходство между людьми, которые призывают к новороссийской солидарности, они редко говорят о каком-либо социальном классе или о вопросе социальной справедливости. Их призывы к солидарности основаны на историческом, коллективистском и консервативном подходе. Довольно часто советский социальный и политический опыт изображается как идеальный порядок для будущего. Современный же период независимости Грузии, Молдовы и Украины эти группы считают крайне несправедливым. Таким образом, реваншистский несоветизм является важной частью мифа о Новороссии.

Еще одной общей чертой мифа о Новороссии является то, что, как правило, все его приверженцы разделяют антизападные и пророссийские настроения, и негативно оценивают отношение украинского и молдавского правительства к русскоязычному населению. Однако те, кто исповедует строго пророссийские взгляды, составляют вышеупомянутую группу «империалистов» и утверждают, что Новороссия может существовать исключительно в качестве части Российской Федерации. Они сосредоточены на советском и имперском военном величии и видят будущее Новороссии в связи с международной и оборонной политикой российского правительства. «Транснациональная» группа, наоборот, больше сосредоточена на социальных и экономических аспектах прошлого. Ее члены негативно относятся к национальным большинствам своих стран и видят будущее Новороссии либо в качестве независимого государства, либо в качестве автономного региона России. Эта группа включает более широкий спектр населения в общее определение «население Новороссии»: русские и украинцы на юге Украины и в Приднестровье, а также абхазы и южные осетины считаются правомочными членами воображаемого государственного образования – Новороссии.

Члены транснациональной группы составляют сообщество, которое разделяет утопические и преимущественно немилитаристские идеи. Они представляют себя в качестве групп, уцелевших под «игмом» чуждых национальных и сепаратистских правительств. Политические и социальные изменения, к которым они стремятся, являются отдаленными и утопическими. Однако напряжение между их утопическими целями и существующими реалиями недостаточно сильно, чтобы эта группа попыталась выйти из своей самоизоляции. Их выживание зависит от растущей актуальности консервативных ценностей. Эти ценности разделяет большинство членов группы, и это, в свою очередь, способствует их объединению с другими маргинализированными социальными группами в Украине, Грузии и Молдове. Более того, ориентация на консервативные ценности и самоизоляция снижают поддержку левых партий, которые могли бы ответить на некоторые из их предпочтений.

Транснациональная группа может в конце концов иметь влияние на среднесрочные политические изменения в Грузии, Молдове, России и Украине. Если

правительства этих государств примут меры для реализации инклюзивной культурной и социально-экономической политики, «новороссияне» могут быть включены в национальные сообщества стран Восточной Европы. Важно помнить, что эта группа не стремится к военным действиям, и это дает национальным правительствам возможности для поиска взаимопонимания с ее членами. Однако транснациональная группа также может оказаться источником возобновления сепаратистской мобилизации. «Транснационалов» можно считать «объектом» борьбы между Кишиневом, Киевом и Тбилиси, с одной стороны, и Москвой, с другой.

Приложения

Приложение I

Таблица 1. Источники в сети ВКонтакте

Название и ссылка	Тип	Количество участников
# Новороссия [https://vk.com/soutukraine]	Разное (дискуссии, новости, другое)	314 192
РЕСПУБЛИКА НОВОРОССИЯ [https://vk.com/the_republic_of_new_russia]	Дискуссионная группа	152 205
Новороссия [https://vk.com/novorossia_su]	Зеркало веб-сайта Новороссии ВК	81 740
НОВОСТИ НОВОРОССИИ [https://vk.com/novnews]	Новостное сообщество	75 347
Сводки ДНР ЛНР Новороссия [https://vk.com/ety_strany]	Дискуссионная группа	68 087
Вестник Новороссии [https://vk.com/novoros_news]	Новостное сообщество	34 734
НОВОРОССИЯ SaveDonbassPeople Ан-тимайдан [https://vk.com/novorossia_today]	Дискуссионная группа	32 930
Сопrotивление Новороссии [https://vk.com/revolutioneast]	Новостное сообщество	29 700
ДОБРОВОЛЕЦ.ОРГ ОБОРОНА НОВОРОССИИ [https://vk.com/dobrovolecorg]	Сеть ГО	25 831
Родное Приднестровье [https://vk.com/rodnoepridnestrovie]	Разное (дискуссии, новости, другое)	23 117
Антимайдан Одесса Новороссия [https://vk.com/novorossiaaa]	Дискуссионная группа	22 102

Для отбора групп в сети «Вконтакте» использованы следующие критерии: (1) более 20 тыс. подписчиков, (2) активность на протяжении более 6 месяцев во время войны на Донбассе, (3) частое освещение тем, связанных с Новороссией.

Таблица 2. Источники в Facebook

Название и ссылка	Тип	Количество участников
Новороссия [https://www.facebook.com/novorossia/?ref=br_rs]	Медиа и новости	9,396
Новороссия – актуальное [https://www.facebook.com/groups/novorossia.actual/?ref=br_rs]	Дискуссионная группа	5,991
Приднестровье [https://www.facebook.com/groups/pridnestrovie/?ref=br_rs]	Разное	5,002
Novorossia.today [https://www.facebook.com/Novorossiatoday-1452392635033241/?ref=br_rs]	Медиа и новости	4,951
Новороссия = ДНР + ЛНР [https://www.facebook.com/groups/24Novorossiya/?ref=br_rs]	Дискуссионная группа	4,009
Novorossia-INFO English [https://www.facebook.com/groups/300259383483318/?ref=br_rs]	Дискуссионная группа	2,264
Абхазия 24 [https://www.facebook.com/abkhazia24/?ref=br_rs]	Новости и дискуссии	1,894

Для отбора групп в сети Facebook использованы следующие критерии: (1) более 1 тыс. подписчиков, (2) активность на протяжении более 6 месяцев во время войны на Донбассе, (3) частое освещение тем, связанных с Новороссией.

Таблица 3. Источники с интернет-сайтов

Название и ссылка	Тип
Novorossia , [http://novorossia.su/]	Медиа и дискуссии
Novorossia Information Agency , [http://www.novorosinform.org/]	Новостной сайт
Russkaia Vesna – Novorossia , [http://rusvesna.su/tags/novorossiya]	Медиа и дискуссии
Novorossiya , [http://novorossiya.name/]	Новостной сайт

Для отбора веб-сайтов использованы следующие критерии: (1) частые упоминания в группах ВКонтакте и Facebook, (2) активность на протяжении более 6 месяцев во время войны на Донбассе, (3) частое освещение тем, связанных с Новороссией.

Приложение II

Таблица 4. Ключевые слова и их использование просепаратистскими группами

Ключевые слова	Среднее количество упоминаний в месяц	Частота использования	Значение, конкурирующие значения
Новороссия/ новороссийский	Не менее 1120 раз в месяц	Стабильная частота	1. Самое частое значение: название Харьковской, Луганской, Донецкой, Запорожской, Днепропетровской, Луганской, Донецкой, Запорожской, Днепропетровской, Херсонской, Николаевской и Одесской областей Украины. 2. Менее часто используемое значение: все вышеперечисленные области + Крым и Приднестровье. 3. Наименее часто используемое значение: все вышеперечисленное + две южные области России и Абхазия. Примечание 1: Этот термин в основном используют для обозначения территорий и редко – для описания населения. «Новороссийский народ» или подобные термины употреблялись в 2014 году, но почти исчезли к концу 2015 года.
Украина/ украинский	Не менее 1000 раз в месяц	Использовалось чаще в 2015 (1100), чем в 2014 (1000) году.	1. Государство Украина, которое сейчас ведет войну с Новороссией/Россией/«народными республиками». 2. Менее используемое: территории на север от «новороссийских областей». Примечание: Термин употребляется преимущественно в негативном смысле. Несколько «нейтрализовался» к концу 2015 года (приблизительно 20% случаев использования).
Россия/ русский/ российский	Не менее 950 раз в месяц	Стабильная частота	1. Государство Россия, которое является единственным союзником сторонников Новороссии. 2. Менее используемое: государство, которое должно принять/защитить/вести войска в Новороссию. 3. Позитивное прилагательное (например, «Русский мир»), ассоциирующееся с прошлым и будущим.

Ключевые слова	Среднее количество упоминаний в месяц	Частота использования	Значение, конкурирующие значения
			Примечание: в марте 2015 года и постоянно с сентября 2015 года возрастает беспокойство о предательстве сил, поддерживающих Новороссию. Однако это беспокойство выражается в высказываниях о предательстве Москвы, Кремля или самого Путина.
Война	Не менее 940 раз в месяц	Стабильная частота	1. Война между народными республиками (представляющими Новороссию) и Украиной. 2. Менее используемое: война украинцев против русских в «новороссийских областях». 3. Менее используемое: Гуманитарная катастрофа, личная трагедия. Примечание: Хотя многие комментаторы лично пережили войну, они в основном описывают ее как коллективный опыт.
(Не)Справедливость/ (не)справедливо	Не менее 400 раз в месяц	Более часто использовалось в 2014 (800), чем в 2015 (400) году.	1. Преимущественно используется в отношении либо прошлого (историческая справедливость, которая ведет к отделению Новороссии от Украины), либо будущего (присоединение к России или создание какой-либо независимой республики). 2. Менее часто: Как характеристика будущей организации Новороссии. Примечание: Кроме нескольких редких исключений, справедливость обсуждают в коллективистском, а не индивидуальном ключе. Роль судов в достижении справедливости не рассматривается.
Враг/ вражеский	Не менее 400 раз на месяц	Стабильная частота (с двумя пиками в августе 2014 и феврале 2015 года, когда употребление превысило	1. Враги населения «народных республик» и/или Новороссии. 2. Украина и Запад, которые «планируют и дальше осуществлять контроль над русскоязычным населением новороссийских областей». Примечание: Слово «Запад» постоянно используют как синоним врага. Однако слово «Европа» иногда употребляют

Ключевые слова	Среднее количество упоминаний в месяц	Частота использования	Значение, конкурирующие значения
		1000 случаев на месяц)	нейтрально.
Славяне/ славянский	Не менее 200 раз на месяц	Стабильная частота	1. Общий расовый знаменатель для русских и украинцев, основание некоего политического и «генетического» единства, используемого как повод к объединению русско-украинского государства и уничтожению независимого государства Украина. 2. Название общеславянского единства, выходящего за пределы России и Новороссии. Альтернатива Западу.
Запад/ Европа/ США	Не менее 200 раз на месяц	Стабильная частота	1. Хотя эти слова используются как синонимы, «Запад» и «США» в частности (как и визуальная символика, ассоциируемая с ними, включая флаги США и НАТО) воспринимаются как коллективные и исторические враги. 2. У слова «Европа» есть два противоположных значения: враг и потенциальный друг. Ценности, ассоциирующиеся с Европой, часто меняются в дискуссиях о будущем Новороссии.